

Философская мысль

Правильная ссылка на статью:

Бахарева М.Д. От философских концепций к психоаналитической практике: анализ эпистолярного наследия Лу Андреас-Саломе во взаимодействии с Зигмундом и Анной Фрейд // Философская мысль. 2025. № 11. DOI: 10.25136/2409-8728.2025.11.76912 EDN: EMYBKK URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=76912

От философских концепций к психоаналитической практике: анализ эпистолярного наследия Лу Андреас-Саломе во взаимодействии с Зигмундом и Анной Фрейд

Бахарева Марина Дмитриевна

ORCID: 0009-0004-1841-4903

кандидат философских наук

преподаватель; кафедра международной журналистики; Московский государственный институт международных отношений (университет)

119454, Россия, г. Москва, ул. Проспект Вернадского, 76

✉ marbakhareva@mail.ru

[Статья из рубрики "Психоанализ как философия"](#)

DOI:

10.25136/2409-8728.2025.11.76912

EDN:

EMYBKK

Дата направления статьи в редакцию:

20-11-2025

Дата публикации:

27-11-2025

Аннотация: В статье рассматривается философское и научное наследие Лу Андреас-Саломе, ее вклад в развитие психоанализа и роль в интеллектуальной жизни Европы начала XX века. Особое внимание уделяется анализу её переписки с Зигмундом и Анной Фрейд. Цель статьи – раскрыть роль Лу Андреас-Саломе в развитии психоаналитической мысли и исследовать характер отношений с Фрейдами. Результаты исследования демонстрируют уникальный характер отношений Саломе с Фрейдами и ее вклад в развитие психоаналитической теории, особенно в исследовании творческого процесса. Саломе рассматривает нарциссизм как источник творчества, а сублимацию – как способ преобразования внутренней энергии в художественное творчество, уделяя особое

внимание концепции художника как исследователя собственного «я». Методология исследования основана на герменевтически-интерпретативном подходе и включает анализ переписки, биографических материалов и психоаналитических работ Саломе. Научная новизна заключается во всестороннем анализе переписки Саломе с Фрейдами, раскрывающей малоизвестные аспекты развития психоанализа и роли женщин в интеллектуальной жизни начала XX века. Практическое значение работы заключается в возможности применения результатов в дальнейших исследованиях истории психоанализа, интеллектуальной истории женщин и эпистолярной культуры. Выводы исследования свидетельствуют о том, вклад Лу Андреас-Саломе в историю психоанализа выходит за рамки роли «музы» и включает в себя оригинальные научные идеи. Изученная переписка Зигмунда Фрейда, Анны Фрейд и Лу Андреас-Саломе – исторический документ, проливающий свет на развитие психоаналитической мысли, и образует уникальный треугольник в истории философии и психоанализа и заслуживает дальнейшего концептуального прочтения.

Ключевые слова:

эпистолярное наследие, Лу Андреас-Саломе, Зигмунд Фрейд, Анна Фрейд, психоанализ, нарциссизм, творческий процесс, Райнера Мария-Рильке, философский дискурс, переписка

Одной из малоизученных в России страниц европейской интеллектуальной жизни начала XX века является творчество Лу Андреас-Саломе (1861–1937), одной из выдающихся женщин своего времени, проявлявшей особый интерес к преобладающим философским дискурсам рубежа веков. Сегодня мы ассоциируем ее имя не столько с литературным творчеством и эссе об искусстве, религии и психоанализе, сколько с тремя важнейшими фигурами в истории немецкой мысли: Фридрихом Ницше, Райнером Марией Рильке и Зигмундом Фрейдом. Анализ писем Лу Андреас-Саломе охватывает, прежде всего, ее знаменитую переписку с Р.М. Рильке – литературный шедевр, раскрывающий глубокую эмоциональную связь между ними. Однако среди известных адресатов Саломе можно также отметить Зигмунда Фрейда (1856–1939) и его дочь, Анну Фрейд (1895–1982), с которыми Саломе вела переписку на протяжении десятилетий. В данной статье проведен анализ опубликованных писем, цель которого – дать представление о философском и психоаналитическом наследии Лу Андреас-Саломе в свете культурных и политических событий того времени.

Письмо – это отсроченная во времени форма коммуникации, хронологически определяемая моментом отправления, между автором и одним или несколькими указанными получателями [1, с.21]. Поскольку письма по сути своей колеблются между утилитарностью и литературностью, приватностью и публичностью, документальностью и вымыслом, литературоведческий подход к этой форме коммуникации представляет определенные сложности и затрагивает множество аспектов, что объясняет отсутствие единого аналитического инструмента для подобных текстов. В настоящем исследовании используется герменевтически-интерпретативный подход: проведенный анализ основан на отрывках из переписки, а также на биографической информации о Фрейдах и Андреас-Саломе. Анализ начинается с представления базовой временной и тематической структуры переписки, а основная часть состоит из анализа отрывков переписки на протяжении многих лет.

Лу Андреас-Саломе родилась в 1861 году в Санкт-Петербурге, детство провела в родном

городе. «Выросшая в Петербурге среди пяти братьев в немецкоязычной семье, где лишь изредка говорили по-русски, Луиза фон Саломе не многое знала о своей родине. Ее отец, генерал царской армии, велел в конце концов обучать ее дома по западному образовательному канону, потому что русским языком она владела недостаточно хорошо» [2, с.60]. В 1878 году она познакомилась с голландским проповедником Хендриком Гийо, который преподавал ей историю теологии и общие принципы различных религий, познакомил со строгим методическим мышлением западной философии, открыл труды Спинозы, Лейбница, Канта и Кьеркегора: «Произошел бурный процесс, внезапное пробуждение от мира детских мечтаний, но Саломе получила интеллектуальное образование, которое оказалось очень полезным ей в дальнейшей жизни» [3, с. 41]. В 1880 году Саломе начала изучать теологию, философию и историю искусств в Цюрихе, но оставила учебу по состоянию здоровья. Она много путешествовала по Европе, где поддерживала связи с писателями и философами Паулем Рэ, Фридрихом Ницше, Райннером Марией Рильке и другими, оказавшими огромное влияние на ее мировоззрение и творчество. Как писал Ницше в письмах, «я еще никого не встречал настолько свободного от предрассудков, настолько умного и настолько подготовленного к сути моих проблем» [2, с.56]. В 1887 году Саломе вышла замуж за ориенталиста Фридриха Карла Андреаса.

Биографии, эссе и разнообразные работы о Лу Андреас-Саломе прежде всего повествуют о ее культурной жизни в кругу современных философов и ведущих деятелей того времени. Как пишет Линде Зальбер, «как и многие другие интеллектуалы, Ницше, Рильке и Фрейд искали общения с Лу. Они нашли в ней женщину, которая бросала им вызов и вдохновляла, давая их мыслям адекватный отклик, поскольку она была способна понимать их и развивать самостоятельно. Ее ясный ум, захватывающее воображение, стремление к нестандартному осмыслению очаровывали их всех» [3, с.28]. Лу Андреас-Саломе, несомненно, занимала особое место среди выдающихся людей своей эпохи, однако приписывать ей исключительно роль музы, вдохновляющей интеллектуальных мужчин, было бы слишком упрощенным подходом и полностью игнорировало бы ее литературное и философское творчество.

До встречи с Фрейдом Саломе уже размышляла над проблемой любви к себе: так, в своей книге «Эротика» (Die Erothik, 1910) и в более ранней статье «Физическая любовь» (Physische Liebe, 1901) она рассматривала акт любви как сочетание двух противоположных чувств: любви к себе и стремления к самоотдаче [4]. Фундаментальная двойственность бессознательного становится центральной темой в произведениях Саломе; кульминацией ее психоаналитических идей стало утверждение, что нарциссизм всегда представляет собой одновременно себялюбие и самоотречение [5]. Саломе не рассматривала нарциссизм как патологию, а скорее как метафорическое зеркало, позволяющее людям идентифицировать себя со всем миром. Для неё нарциссизм был не просто любовью к себе, но способом погрузиться в глубины собственного «я» и соединиться с универсальным целым. Эгоцентризм и альтруизм, самовосхваление и великолюбие - это дуалистическое напряжение характеризует и личность Саломе. По этой причине различные события ее жизни, а также литературные и эссеистические произведения можно интерпретировать и анализировать по-разному.

В 1911 году на Веймарском психоаналитическом конгрессе, который Саломе посетила вместе с Полом Бьером, шведским психиатром, состоялась ее первая встреча с Зигмундом Фрейдом. Веймарский конгресс Международной психоаналитической ассоциации открылся 21 сентября 1911 года, в нем приняли участие около пятидесяти

пяти членов и гостей из разных уголков мира. Переписка между Зигмундом Фрейдом и Лу Андреас-Саломе началась через год, 27 сентября 1912 года, когда Саломе обратилась к Фрейду с просьбой посещать его лекции и вечера по средам в Вене. В то время Саломе был 51 год, а Фрейду — 56. Уэлш отмечает: «В психоанализе Лу Андреас-Саломе нашла свой интеллектуальный дом» [\[6, с.213\]](#). Между ними завязалась глубокая дружба, которая переросла в пожизненную переписку. Последнее письмо Фрейда Саломе датировано маем 1936 года, за несколько месяцев до смерти Лу [\[6, с.213\]](#). Письма были впервые опубликованы в 1966 году отдельной книгой под названием «Зигмунд Фрейд — Лу Андреас-Саломе — Переписка». Работа документирует необычайные отношения между двумя выдающимися личностями той эпохи и их жизни, а также проливает свет на развитие Лу Андреас-Саломе теории Фрейда, которую она дополнила собственными идеями.

Ознакомившись с опубликованными работами Фрейда и желая глубже погрузиться в теорию психоанализа, Саломе в 1912 году обратилась к Фрейду с просьбой разрешить ей посещать его университетские лекции и вечерние заседания Венского психоаналитического общества по средам в Вене: «Уважаемый профессор, с тех пор, как мне посчастливилось присутствовать на Веймарском конгрессе прошлой осенью, изучение психоанализа захватило меня, и чем глубже я в него погружаюсь, тем сильнее оно меня захватывает. Теперь мое желание поехать в Вену на несколько месяцев исполняется: могу ли я связаться с вами, посетить ваши лекции, а также попросить разрешения посещать лекции по средам вечером? Всецело посвятить себя этому делу — единственная цель моего пребывания там. С глубочайшим уважением, Лу Андреас-Саломе» [\[7, с.7\]](#).

Фрейд с готовностью удовлетворил ее просьбу. В своем ответе он пишет: «Уважаемая госпожа, когда вы приедете в Вену, мы все постараемся сделать доступным для вас то немногое, что можно показать и передать о психоанализе. Я уже расценил Ваше участие в Веймарском конгрессе как благоприятное предзнаменование. С высочайшей преданностью, искренне Ваш, Фрейд» [\[7, с.7\]](#). Воодушевленная словами Фрейда, Саломе в конце октября отправилась в Вену в сопровождении молодой подруги Эллен Дельп и провела там шесть месяцев. Хотя поначалу Фрейд не воспринимал всерьез интерес Саломе к психоаналитическому учению, он вскоре стал одним из почитателей ее интеллектуальных способностей, а общение между Фрейдом и Андреас-Саломе становилось все более личным. Во время пребывания Андреас-Саломе в Вене она встречалась с Фрейдом и вне психоаналитического общества для бесед, затрагивающих многие теоретические и организационные вопросы. Отношения между Фрейдом и Саломе, изначально основанные на взаимном уважении, с годами становились все более теплыми и в целом оставались свободными от серьезных разногласий. Это тем более примечательно, учитывая, что обоим было трудно отказаться от своих интеллектуальных позиций ради дружбы.

Фрейд нашел в Саломе верного интерпретатора своих работ. К моменту знакомства с Саломе Фрейд был вовлечен в ряд неприятных споров с некоторыми из своих бывших последователей, в частности, с бывшим коллегой Альфредом Адлером, членом ближайшего окружения Вильгельмом Штекелем и швейцарским коллегой Карлом Юнгом. Саломе, сама того не ведая, оказалась втянута в конфликт между Фрейдом и Адлером, поскольку выразила желание посещать лекции обоих. Все контакты между двумя противниками и их последователями были прерваны, однако обе стороны согласились сделать исключение и разрешили ей посещать сессии при условии, что она будет хранить в тайне то, чему научится в каждой из групп. Так Саломе познакомилась с одним

из самых неприятных аспектов психоаналитической школы: яростными личными распрыами ее ведущих деятелей и их ожесточенными взаимными обвинениями. Некоторое время Саломе терпела эту двойственность, но в конце концов отказалась от лекций Адлера и полностью приняла позицию Фрейда. Этот опыт лег в основу ее защиты Фрейда в более поздних психоаналитических работах: почти каждая статья Лу Андреас-Саломе начинается со ссылки на критиков Фрейда и заканчивается заявлениями о глубоком почтении к основателю психоанализа.

Лу отказалась от позиции Адлера, поскольку была не согласна с его утверждением, что причиной психических расстройств являются органические дефекты. Она считала, что психоанализ ничего не выигрывает от поиска физических объяснений каждого комплекса неполноценности. Ироничное неприятие Адлером теории либидо Фрейда – фрейдистская школа, как он писал Лу, принимала «сексуальную банальность за сущность вещей» [\[8, с.109\]](#) – стало еще одной причиной, по которой Саломе приняла сторону Фрейда. Она, как и Фрейд, была убеждена, что сексуальное влечение, в самом широком смысле этого слова, является главной движущей силой человеческих поступков. И, наконец, Саломе не нравились личные нападки Адлера на Фрейда; она считала эти оскорблении недостойными и несправедливыми. Особенно ее восхищала во Фрейде честность его научной воли, стремление проникнуть в темные глубины души и раскрыть порой самые отвратительные аспекты бессознательного. Психоанализ дал Саломе «сияющее расширение собственной жизни через нащупывание корней, с которыми она связана в целостности» [\[9, с.88\]](#).

Вхождение Саломе в круг Фрейда было воспринято как «благоприятное предзнаменование» [\[10\]](#) не только самим Фрейдом, который признавался, что настолько привык к ее присутствию, что его беспокоило, когда ее место оставалось пустым во время его лекций, но и одобрено его последователями. Саломе обычно держалась в тени и молча слушала; иногда она делала заметки, иногда вязала, но всегда была полностью погружена в происходящее. Фрейд восхищался ее способностью смеяться над собой, отсутствием злопамятности и тем, что она не кичилась ни своими литературными достижениями, ни своими знаменитыми друзьями. Фрейд с восхищением объяснял, что разница между ним и Саломе заключалась в том, что он писал прозу, в то время как Саломе была «поэтом психоанализа» [\[9, с.261\]](#). В своих работах Саломе часто обращалась к психоаналитическим темам: для журнала Фрейда «Имаго» (Imago) она написала статьи «О раннем поклонении» (Vom fruhen Gottesdienst, 1913), «О женском типе» (Zum Typus Weib, 1914), «Анальное и сексуальное» (Anal und sexual, 1915), «Нарциссизм как двойственное направление» (Narzissmus als Doppelrichtung, 1921). «Профессор», как она всегда называла Фрейда в письмах, и Саломе поддерживали связь даже во время Первой мировой войны, однако их внимание было сосредоточено не на политике, а на личных вопросах.

В книге «Моя благодарность Фрейду» (Mein Dank an Freud), написанной в 1931 году к семидесятилетию Фрейда, Саломе излагает свою позицию по отношению к его учению. Как следует из названия, это публичная дань уважения как исследователю, так и человеку; но в то же время Саломе дает критический комментарий к некоторым пунктам фрейдистской концепции. В частности, она возражает против переоценки грез наяву, «которые, конечно, могут быть особенно яркими у художника, но из которых мы, тем не менее, меньше всего можем узнать о проблеме искусства» [\[8, с.76\]](#). Она не находит убедительным появление художественного из вытеснений и полагает, что оно исходит, скорее, «из силы невольного, неизбежного осуществления еще не осознанного

личного» [8, с.77]. Наконец, она выступает против переоценки социального момента в художественном творчестве: общественные мотивы, такие как амбиции и жажда наживы, играют определенную роль, однако «творец – это человек, существующий исключительно из ликования и энтузиазма от своей работы, и даже если он в остальном очень созвучен своим собратьям, будь то «этически» или «эротически», ни один из этих факторов не способствует созданию произведения» [8, с.78].

Отношение Саломе к психоанализу определялось прежде всего ее неизменным интересом к творческому процессу, а участие психоаналитика к больному она сравнивала с чувствами поэта к своим творениям. И хотя ее целью как психоаналитика была помочь больным, теоретический интерес Andreas-Salomе был почти исключительно сосредоточен на исследовании пограничных состояний психики, ведущих к реализации творческого начала. Во второй части работы Саломе обращается к часто затрагиваемой ею проблеме художника, опираясь на личный опыт дружбы с Рильке. Утверждая, что художник всегда выражает прежде всего нарциссическое влечение, причем сексуальному началу противостоит ярко выраженное аскетическое, она заключает: «Его [художника] эротизм отчасти ускользает от своего телесного назначения и развития. Произведение – его воплощение» [8, с.79]. Затем, используя Рильке в качестве примера, она описывает трагедию превращения человеческой судьбы в искусство, ради которого художник жертвует жизнью, и подобно тому, как ребенок отдает свою любовь куклам, так и поэт позволяет своей жизненной силе трансформироваться в художественные образы. Саломе объясняет образ ангела в поэзии Рильке как проекцию неудовлетворенной человеческой тоски по любви: «вся преданность направлена на ангела, узурпирующего реальность, <...> ангел стал возлюбленным» [11, с.50]. Саломе связывала сублимацию с художественным творчеством и понимала ее не просто как подавление влечений, а как способ преобразования внутренней энергии в творческую силу. Она считала, что страдание необходимо творцу для создания истинной поэзии и видела в искусстве путь метафорического самообновления, возвращения к истокам бытия, поэтому она также отговаривала Рильке от сеансов психоанализа.

Смелость образов и сравнений, с помощью которых Саломе прослеживает и интерпретирует творческий процесс с позиции психоанализа, произвела глубокое впечатление на Фрейда: он признал ее авторитет в этой области и назвал эссе «истинным синтезом <...> которому можно довериться, чтобы он смог превратить в живой организм совокупность нервов, сухожилий и сосудов, в которую аналитический нож превратил тело». Многие идеи Саломе проливают свет на трагедию художника, его экзистенциальную тревогу и привязанность к своему творчеству. Лу Andreas-Salomе, «дама опасного ума», как назвал ее Фрейд в письме к Ш. Ференци в 1912 году [2, с.56], стала единственной женщиной, помимо членов семьи, которой Фрейд писал письма более двадцати пяти лет.

Переписка между Лу Andreas-Salomе и Зигмундом Фрейдом охватывает период с 1912 по 1936 год и включает 219 документов: 131 было написано Саломе и 88 – Фрейдом. Пик переписки приходится на 1916-1918 гг. и 1923-1925 гг., тогда как в период с 1926 по 1930 гг. обмен письмами был весьма скучным, хотя не было ни одного года, когда бы корреспонденции не было вообще. Большое количество писем между 1916 и 1918 годами говорит о редкости личных встреч, что обусловлено событиями Первой мировой войны. Об этом свидетельствуют, например, слова Саломе в 1916 году: «Если бы только Вена была вместо Берлина!» [7, с.58] или «А теперь в Вене снова начинаются встречи по средам, не так ли? Сколько бы ни отсутствовало людей, вечера не исчезают совсем?» [7,

[c.581](#) или в декабре того же года: «В каком году я смогу снова увидеть вас и поговорить с вами! Мне уже кажется, что прошло неописуемо много времени с последней встречи» [\[7, c.62\]](#). В мае 1918 года она пишет: «тот факт, что общество (Международное психоаналитическое общество – прим. пер.) сейчас так активно действует, заставляет меня, изгнанницу, зеленеть от зависти. Я скоро перестану верить, что наступит время, когда я смогу присоединиться» [\[7, c.87\]](#). Другая причина участившихся писем связана с растущим интересом Саломе к более глубокому изучению психоанализа: в некоторых своих посланиях она развивает теории Фрейда в манере эссе или запрашивает психоаналитические работы, например, о бессознательном, а затем комментирует их. Так, в письме от 14 июня 1917 года она пишет: «сердечное спасибо за вашу новую книгу и за то, что вы прислали ее мне! Я с огромным энтузиазмом проглотила ее, как только она попала мне в руки четыре дня назад» [\[7, c.63\]](#). В 1916 году Саломе указывает в письме, ссылаясь на четыре журнальные статьи: «Именно поэтому для меня так важно, полностью ли я поняла каждую, не истолковала ли я что-либо неверно, и это же беспокоило меня в прошлый раз. <...> Внутреннее восприятие текста у каждого человека разное, но я ни в коем случае не должна неправильно понимать то, что вы имели в виду; по крайней мере, я честно и искренне хочу приложить все усилия» [\[7, c.49\]](#).

Из переписки видно, что личные встречи Фрейда и Саломе происходили неоднократно на протяжении многих лет и стали основой их письменной переписки, отправной точкой которой послужило пребывание в Вене. В 1914 году Фрейд пишет: «Шлю вам самые теплые приветствия <...> после войны неизбежно возникнет потребность снова увидеться» [\[7, c.23\]](#). В 1916 году Саломе замечает: «В каком году я смогу снова увидеть вас и поговорить с вами! Кажется, прошло уже невообразимо долго» [\[7, c.62\]](#), а в 1918 году риторически спрашивает: «Каково будет, когда мы наконец снова увидимся? И увидимся ли?» [\[7, c.95\]](#). В 1920 году она пишет: «Тоскую по воссоединению, прежде чем мы оба станем „древними и крошечными“» [\[7, c.112\]](#). Осознавая ограничения эпистолярного общения, Саломе пишет: «Я бы с удовольствием обсудила эту тему с вами устно! О, и еще многое другое!» [\[7, c.195\]](#) или: «Жаль, что в письмах можно обсудить так мало» [\[7, c.204\]](#). В более поздние годы Фрейд отвечает: «лично я заметил, что мне трудно разговаривать с вами, и предоставил беседу Анне. Причиной послужило наблюдение, что из-за моего слабого слуха я не понимал вашей тихой речи, и мне пришлось признать, что понимание моих слов также было для вас трудным» [\[7, c.196\]](#).

Первая мировая война неоднократно звучит как тема в их переписке: «Кризис витает в воздухе. Пусть он скорее разразится, и воздух прояснится!» [\[7, c.16\]](#); «Что вы делаете в эти трудные для всех нас времена? Вы ожидали этого и представляли, что все будет именно так?» [\[7, c.21\]](#) или: «Они все стали дьяволами. (Но так бывает, когда государства не поддаются психоанализу)» [\[7, c.22\]](#). При этом, хотя в переписке военный контекст резонирует, он никогда не доминирует полностью. Помимо тем психоанализа и Первой мировой войны, постоянно всплывают и личные темы. Например, в апреле 1918 года Фрейд пишет: «Один из моих сыновей дома с (незначительным) заболеванием легких; моя младшая дочь сдала выпускной экзамен на учителя и, поскольку ей пришлось скрывать тяжелую ангину, все еще довольно несчастна» [\[7, c.87\]](#). Возможной причиной редкости писем может быть нехватка времени, как подтверждает Фрейд в одном из своих посланий 1929 года: «Вы, с Вашей обычной проницательностью, догадались, почему я так долго не отвечал Вам. Анна уже сообщила Вам, что я пишу что-то, и сегодня я

написал последнее предложение, которое завершает работу, насколько это возможно здесь — без библиотеки» [\[7, с.198\]](#). Кроме того, в последние годы здоровье обоих стало предметом обсуждения и также причиной редкого общения. Например, Саломе пишет в 1930 году: «Жаль, что мы можем обсудить друг с другом так мало в письмах; но путешествия, к сожалению, не для меня, этого не изменить. О своем состоянии сейчас могу сказать вам: я все еще испытываю боль, часто даже по ночам, но говорить или слышать об этом совсем неприятно [\[7, с.204\]](#). И Фрейд отвечает: «Вам не стоит тратить время на подозрения, что ваше письмо потерялось. Почтовый штемпель на этом ответе немного говорит вам о недавних событиях. Он не может показать, что я (мы) были в санатории <...> 10 дней до этого» [\[7, с.204\]](#).

Андреас-Саломе неизменно называет Фрейда «профессором»: вначале «глубокоуважаемым», затем - «уважаемым» [\[7, с.13\]](#), наконец - «уважаемым профессором Фрейдом» [\[7, с.206\]](#). В завершающих фразах писем Саломе использовала более разнообразные выражения: «с благодарностью» [\[7, с.8\]](#), «с наилучшими пожеланиями» [\[7, с.24\]](#), «от всего сердца» [\[7, с.195\]](#) или «с теплыми мыслями о вас» [\[7, с.209\]](#). Интересно, однако, что только в 1922 году Саломе стала подписывать письма к Фрейду просто своим именем: «Искренне ваша, Лу» [\[7, с.122\]](#). В письме от 23 декабря 1932 года она пишет в конце: «Дорогой профессор Фрейд, дорогой, самый дорогой. Ваша старая Лу» [\[7, с.217\]](#). До 1922 года Фрейд обращается к Саломе как к «Уважаемой госпоже», не упоминая имени, затем заменяя приветствие на более личное «дорогая Лу» [\[7, с.124\]](#). В 1927 году он однажды назвал Саломе «Моя дорогая, несокрушимая подруга!». В подписи к письмам чередуются фразы «Ваш преданный Фрейд» [\[7, с.18\]](#), «Ваш преданнейший Фрейд» [\[7, с.17\]](#) и «Ваш искренне преданный Фрейд» [\[7, с.19\]](#). Позже он добавляет: «Ваш старый Фрейд» [\[7, с.199\]](#), «Ваш очень старый Фрейд самолично» [\[7, с.205\]](#) или: «С самыми теплыми пожеланиями, то немногое, что осталось от вашего Фрейда» [\[7, с.208\]](#). Можно проследить развитие от первоначально вежливой дистанции к теплому, дружескому тону. Тем не менее, на протяжении всей переписки они неизменно используют формальное местоимение «Sie» (Вы).

Из переписки становится ясно, что общение с Фрейдом стимулирует Саломе к изучению психоанализа и влияет на формирование ее идентичности, на что она отвечает благодарностью, например, в новогоднем письме 1914 года: «Для меня прошел год, в котором все самое лучшее было так тесно связано с Вами, что я не могу оглянуться назад, не сказав про себя еще раз „Спасибо!“» [\[7, с.17\]](#). Другой пример можно найти в 1915 году: «Однако, когда я представляю, сколько хорошего сделал для меня психоанализ, даже в этот совершенно ужасный год, мне хотелось бы быть для Вас более полезной, чем я есть. Всякий раз, когда Ваши разъяснения наполняют меня радостью, потому что они движут меня вперед не только в теории, но и в самом человеческом смысле, я преисполнюсь самой искренней благодарности» [\[7, с.38\]](#). Следующий отрывок также указывает на то, что Фрейд является для нее направляющей силой в интеллектуальном плане: «Для меня и то, и другое так важно и является источником радости: каждое совпадение с Вами, а также тот факт, что в некоторых вопросах Ваше мнение отличается от моего. Именно на это я ориентируюсь: как если бы меня дергали за поводок – не сажая на цепь, а лишь указывая путь. Поскольку я в этом уверена, я не захожу слишком далеко и следую за своими мыслями более беззаботно, чем когда-либо» [\[7, с.51\]](#).

С 1915 года размышления о работах по психоанализу становятся более частыми, чем прежде, при этом Саломе не только разделяет взгляды Фрейда, но и критически их анализирует. Так, комментируя работу о концепции нарциссизма Фрейда, Саломе спрашивает: «Должен ли чисто телесный процесс рассматриваться здесь совершенно отдельно <...>?» [7, с.28]. Фрейд отвечает: «Я воспринимаю ваши замечания о нарциссизме не как возражения, а как указания к дальнейшим концептуальным и фактическим пояснениям» [7, с.29]. Стремление верно интерпретировать ход мыслей друг друга приводит к интеллектуальному синтезу: Саломе способна открыто высказывать свои взгляды на психоаналитические темы, а Фрейд позволяет ей понять свои методы работы. В письме от 5 ноября 1915 года Фрейд пишет: «Вы умеете придавать человеку смелость и поднимать настроение. Я бы не поверил, особенно сейчас, в изоляции, что психоанализ может значить так много для кого-то другого или что кто-то может так много прочитать в моих словах» [7, с.38]. Фрейд неоднократно упоминает об искусстве синтеза, которым владеет Саломе: «В этом прекрасно выражены как Ваша невероятная тонкость понимания, так и масштабность Вашего стремления синтезировать то, что было отделено от исследования» [7, с.40]; «Совершенно очевидно, как Вы всегда опережаете меня и дополняете меня, как Вы пророчески стремитесь соединить мои фрагменты в единое целое» [7, с.68]; «Я каждый раз заново восхищаюсь Вашим искусством синтеза, которое соединяет воедино разрозненные части, полученные анализом, и обволакивает их живой тканью» [7, с.75]; «В ваших рассуждениях о детских неврозах я вновь смог восхититься вашим искусством продолжать и объединять идеи» [7, с.100]. Даже в более поздние годы он подчеркивает свое восхищение образом мышления Саломе: «Я начинаю мелодию — обычно довольно простую — вы добавляете более высокие октавы; я отделяю одно от другого, а вы объединяете разрозненные элементы в высшее единство; я молчаливо предполагаю условия наших субъективных ограничений, а вы открыто указываете на них. В целом мы поняли друг друга и единодушны. Только я склонен исключать все мнения, кроме одного, а вы склонны соединять все мнения вместе» [7, с.202].

В более поздние годы роль Фрейда как отцовской фигуры и значимость их отношений становится более отчетливо выраженной в письмах: «От всего сердца приветствую вас обоих (Анну и Фрейда — прим.пер.) — как тайный спутник, который редко может расстаться с вами; недавно я представила себе, каково было бы, если бы я состарилаась, не имея вас в своей жизни» [7, с.140]. В письме ко дню рождения от 1925 года Саломе пишет: «Дорогой профессор, я ничего не могу сказать о счастье, которого я желаю и жажду для Вас; я лишь глубоко чувствую, насколько я всецело с Вами, <...> неразрывно связана с вами» [7, с.168]. Одно из самых явных указаний на то, что Саломе считала Фрейда своим интеллектуальным отцом, содержится в письме от 4 мая 1935 года: «Если бы я могла взглянуть на Ваше лицо хотя бы на десять минут — на лицо отца, превосходящее мою жизнь» [7, с.227]. Хотя, с одной стороны, она видит во Фрейде духовного отца, с другой стороны, она берет на себя роль его женской противоположности и дополняет его теории, что, по мнению Фрейда, делает ее идеальным интерпретатором.

Переписка Лу Андреас-Саломе и Анны Фрейд дополняет представление о Фрейде как об отцовской фигуре, но, помимо этого, является важнейшим свидетельством дружбы двух женщин и предлагает личный взгляд на психоаналитическое движение и его развитие в Австрии и Германии в период между двумя мировыми войнами. Эпистолярное общение

Лу Андреас-Саломе и Анны Фрейд начинается в декабре 1919 года, когда Саломе почти шестьдесят, а Анне - двадцать четыре. Фрейд инициировал переписку между младшей дочерью и любимой ученицей из Геттингена в надежде, что это общение окажет благотворное влияние. Хотя Фрейд ценил интимность переписки Анны и Саломе, иногда он чувствовал себя исключенным из этого треугольника отношений, особенно во время болезней.

Первые письма, опубликованные под названием «...как будто я возвращаюсь домой к отцу и сестре», датируются 1919 годом, последние – 1937 годом, годом смерти Саломе. Переписка отличается тонким стилем: так, можно встретить почти литературные описания природы, в которых воспеваются красота Вены или цветущих деревьев в саду. Среди прочего, читатель получает представление о нетрадиционных методах лечения, применявшимся в доме Фрейда, и о трудностях, связанных с психоанализом в 1920-х и 1930-х годах. Однако двух женщин объединяло не только обсуждение научных открытий – между ними быстро завязались близкие дружеские отношения, гармония которых лишь однажды нарушается резким разладом, хотя с самого начала переписки Анну Фрейд терзает сильный страх утраты любви своей старшей подруги. «Я всегда — пока ты этого хочешь — твоя Анна» [\[12, с.38\]](#), — завершает она письмо в апреле 1922 года, а полгода спустя добавляет: «(Пока ты можешь меня выносить) Твоя Анна» [\[12, с.72\]](#). Она также часто приижает себя по отношению к своей корреспондентке: «Я очень, очень благодарна Вам за то, что Вы так любезно принимаете и даже отвечаете на всю эту ерунду, которую я думаю, говорю и пишу», – пишет она в 1922 году и спрашивает: «Если Вы когда-нибудь почувствуете, что больше не хотите этого, Вы скажете?» [\[12, с.89\]](#) В 1927 году Анна Фрейд отправляет подруге свою недавно опубликованную первую работу – «Введение в технику детского психоанализа». Саломе в восторге после прочтения книги, и новоиспеченная автор с огромным облегчением признается, как сильно она переживала, что Саломе книга не понравится. В ответ Саломе критически замечает, что Анна Фрейд «легко поддается таким странным тревогам <...> словно непременно где-то всплывает какая-то критика, неуверенность, неудовлетворенность или пессимизм» [\[12, с.536\]](#). Анна Фрейд реагирует «ужасно оскорблена» на упреки Саломе в неуверенности и постоянном ожидании критики. Она молчит не менее полугода и, наконец, отвергает «обвинение» в негодящем письме, которое, однако, заканчивается словами: «Как бы мне хотелось, чтобы Вы все еще меня любили», – и вскоре прежняя гармония восстанавливается [\[12, с.540\]](#).

В переписке встречаются повторяющиеся отсылки к психоанализу: Саломе, в частности, неоднократно вплетает в тексты мимолетные оценки других психоаналитиков и их теорий, например, о «философской чепухе Юнга или Адлера», которую она по-прежнему считает выше «долларовой звезды, взошедшей над Ранком». В другом месте она подчеркивает, что Отто Фенихель «очень умен, даже слишком» [\[12, с.143\]](#), комментирует «чрезмерно диалектичного» Ранка [\[12, с.352\]](#), хвалит «объективно превосходную» Хелен Дойч, критикует «жалкую Мелани Кляйн» [\[12, с.323\]](#) или сообщает Анне Фрейд, что «хотела бы познакомиться» с Вильгельмом Райхом. Анна Фрейд, со своей стороны, в основном воздерживается от суждений: когда Саломе прямо спрашивает, нужно ли знакомиться с «Книгой об “Оно”» Гроддека, она не высказывает собственного мнения, предпочитая переадресовать этот вопрос Фрейду [\[12, с.329\]](#). Сообщения Анны Фрейд часто ограничиваются лишь самым необходимым, когда речь идет об официальных делах: «Несколько дней назад нас посетил Ромен Роллан. Он очень приятен» [\[12, с.310\]](#). О вечерах в психоаналитическом обществе Анна пишет: «Одну из последних лекций читал

Зильберер, который впоследствии покончил с собой» [\[12, с.140\]](#); «Позавчера у нас был еще один большой светский вечер <...>. Темой была книга доктора Райха «Функция оргазма» [\[12, с.281\]](#). И даже в более поздние годы, уже будучи известным психоаналитиком, она просто сообщает Саломе: «Конгресс занял почти все лето, я была секретарем Международной психоаналитической ассоциации, и управлять им было практически невозможно <...> Нам пришлось исключить Райха; он был больше не приемлем» [\[12, с.440\]](#), не говоря ни слова по существу спора. Несмотря на все разногласия между зарождающимися психоаналитическими школами, обе женщины однозначно и безоговорочно разделяют позицию Фрейда. Иногда Саломе ограничивается психологическими объяснениями противоречивых взглядов других, а не их теоретическим опровержением. Так происходит, например, с Полем Бьером, о котором Саломе пишет, что он «уже не наш, а Юнговский», а расхождения во взглядах объясняет его «собственным обсессивно-компульсивным неврозом, который никто другой никогда не анализировал» [\[12, с.141\]](#).

Особый интерес представляют подробные объяснения Саломе взаимосвязи бессознательного и литературы, о которых Анна Фрейд неоднократно ее спрашивает. Уже в самых ранних письмах Саломе рассуждает о художественном творчестве и детском понимании связи между сном и явью. Например, в одном из писем 1922 года она пишет «касательно неспособности ребенка различать сон и реальность», что «даже самый маленький ребенок не только по глупости не может отличить одно от другого, но и на самом деле переживает единство сна и реальности» [\[12, с.39\]](#). Ребенок «все еще одной ногой» в «тотальной реальности», которую «наше сознание» лишь позднее разделяет «на субъект и объект». В последующих письмах она неоднократно возвращается к параллелям и различиям между грезами наяву и творческой работой. В то время как Саломе обстоятельно комментирует и оценивает публикации Анны Фрейд, последняя воздерживается от подробных рецензий и лишь неоднократно пишет о том, как ей нравятся книги подруги. В одном из писем она выражает изумление по поводу книги Саломе 1894 года о Ницше: «Разве она не была написана задолго до того, как ты стала аналитиком?» и недоумевает: «Многое в ней звучит настолько аналитически. Думали ли об этом люди тогда, или это было просто твое восприятие?» Андреас-Саломе отвечает, что психоанализ был для нее «чужой страной» в то время, когда она писала книгу — «к сожалению, иначе она была бы гораздо ценнее» [\[12, с.363\]](#).

Письма также позволяют заглянуть в личную жизнь и эмоциональный мир двух женщин, которые относились друг к другу как «сестры». Так, Саломе пишет о супруге Андреасе: «глубочайшая часть нашей связи заключалась в нежной защите, которой мы оберегали одиночество друг друга – и друг от друга!» [\[12, с.578\]](#). Анна утверждает: «я не гожусь для брака», и пишет, что для мужчины она была бы не более чем предметом мебели, «не лучше стола, дивана или собственного кресла-качалки» [\[12, с.266\]](#). В другом письме она замечает: «Жаль, что я не родилась индийским странствующим монахом. Я бы все равно хотела стать кем-то подобным» [\[12, с.310\]](#). В ответ Саломе пишет: «Если бы ты действительно была тем индийским странствующим монахом, которым тебе хотелось бы быть, мы бы, наверное, еще где-нибудь встретились» [\[12, с.317\]](#). Она хорошо понимает, о каком одиночестве пишет Анна: «в глубине души я думаю, что на самом деле отшельница, и только из-за этого оказалась в этом беспокойном мире» [\[12, с.318\]](#). Политические темы редко становятся предметом обсуждений, тем не менее, в отдельных письмах Саломе затрагивает проблему националистических настроений: «Геттинген стал отвратителен из-за своего немецкого национализма» [\[12, с.288\]](#) или «Интересно, до какой

степени настоящий идиотизм может быть восплеменен дорогой родиной» [\[12, с.358\]](#).

В течение нескольких лет в переписке большое внимание уделяется онкологическому заболеванию Фрейда и беспокойству о нем. В отличие от болезни Фрейда, здоровье Саломе — в 1930-х годах она страдала диабетом — практически не затрагивается. Переписка раскрывает подробности поведения Фрейда в связи с операциями и последующим возобновлением курения: «Вчера вечером папа внезапно объявил, что в субботу утром ему предстоит небольшая операция на горле... опухоли, которые якобы иногда встречаются у курильщиков» [\[12, с.176\]](#). А через несколько дней Анна пишет: «Папа курит, но совсем немного, может быть, три сигары в день» [\[12, с.181\]](#). Саломе отвечает: «Твои близкие отношения с отцом теперь приобретают особое значение; если кто-то и должен выполнить свою миссию, так это ты» [\[12, с.183\]](#). В начале октября 1923 года Фрейд переносит вторую операцию. Он все еще находится в больнице, когда Анна снова пишет: «Только представь, сегодня папа был одет, лежал в постели полдня и выкурил свою первую сигару» [\[12, с.236\]](#). А несколько недель спустя: «Я вижу, как он много курит, почти постоянно» [\[12, с.270\]](#).

До конца 1920-х годов интенсивная переписка имела большое значение для Анны Фрейд, во второй половине 1920-х годов письма стали реже, и в основном были написаны Саломе, которая, имея всегда отвечала сразу, и для которой Анна Фрейд приобрела значение связующего звена с внешним миром. В 1925 году Анна встречает еще одну «сестру» - Дороти Берлингем, дочь американского промышленника и фабриканта Тиффани, почитателя Фрейда, и пишет Саломе: «Тебе бы она тоже очень понравилась» [\[12, с.156\]](#). В 1929 году Дороти с детьми переехала в квартиру над домом Фрейда на Берггассе, а в 1938 году эмигрировала в Англию вместе с семьей Фрейдов. Две трети всех писем Саломе и Анна Фрейд были написаны до встречи Анны с Дороти, затем же интервалы в переписке становятся длиннее. И если раньше Анна писала Саломе следующее письмо еще до того, как Саломе успевала ответить на предыдущее, то теперь Саломе отвечает быстро, долго ожидая нового письма. Последнее письмо Анны, заканчивающееся вопросом «Как ваше здоровье?», остается без ответа: Саломе умирает 5 февраля 1937 года.

Таким образом, Лу Андреас-Саломе представляет значительную женскую фигуру в интеллектуальной картине начала XX века. Она оставила свой след в философии, литературе и психоанализе, увлечение которым позволило ей систематизировать свои знания и привело к Фрейду, который, несмотря на первоначальные сомнения, принял ее в ученицы и оценил ее интеллектуальные и личные качества. В одном из своих писем он назвал Саломе превосходным интерпретатором, а в некрологе описал ее как «удивительную женщину», которая внесла вклад в психоанализ «своими цennыми научными работами», подчеркнув: «Вряд ли я покажусь чрезмерным, если признаю, что все мы восприняли за честь ее вступление в ряды наших сотрудников и соратников и одновременно в качестве новой поруки истинного содержания аналитического учения» [\[10\]](#). Изучение их переписки подтверждает, что Саломе вдохновляла Фрейда, а тот, в свою очередь, способствовал личностному развитию Саломе и формированию ее идентичности как психоаналитика через признание ее идей. Письма Лу Андреас-Саломе и Анны Фрейд являются интересными документами своего времени, поскольку женщины вели дискуссии о культуре и философии, о Фрейде и о его заболевании, и, наконец, о психоанализе — центральном деле их жизни. Изученная переписка Зигмунда Фрейда, Анны Фрейд и Лу Андреас-Саломе образует уникальный треугольник в истории

философии и психоанализа и заслуживает дальнейшего концептуального прочтения.

Библиография

1. Эберт Х. О связи стратегии, структуры и стиля на примере "анатомии" частного письма / Х. Эберт // "Я к тебе". Издание, рецепция и комментирование писем / Под ред. В. М. Бауэра, Й. Джона, В. Висмюллера. – Серия "Германстика". – Band 62. – 2001. – 278 с. – ISBN 978-3-901064-25-8. (на нем. языке)
2. Рильке и Россия / Сост. Т. Шмидт ; пер. с нем. В. Агафонова, О. Асписова, Е. Соколова, В. Кузавлев ; ред. А. Александрова, О. Старикова ; верстка А. Епанешникова, А. Липцис, М. Кондрашова. – М. : Литературный музей, 2018. – 304 с. : ил. – ISBN 978-5-9500566-3-5.
3. Зальбер, Л. Лу Андреас-Саломе / Л. Зальбер. – Ровольт Ташенбух Ферлаг, 1990. – ISBN 13: 978-3499504631. (на нем. языке)
4. Андреас-Саломе Л. Эротика / Бочкирева М. М., пер.; Сироткин С. Ф., Чиркова И. Н., ред. // Лу Андреас-Саломе. Собрание трудов. – Эрго, 2011. – 80 с. – ISBN 978-5-98904-112-1.
5. Андреас-Саломе, Л. Очерки и эссе. Т. 2: "Идеал и аскеза" (Философия) / с комментариями и послесловием Х. Р. Шваба. – 2-е исправленное изд. – В кн.: Сочинения и письма Лу Андреас-Саломе. – 352 с. (на нем. языке)
6. Вельш, У. Лу Андреас-Саломе. От "близнеца по уму" Ницше к "интерпретатору" Фрейда / У. Вельш // DOI: 10.30965/9783846749586_012 (на нем. языке)
7. Фрейд, З., Андреас-Саломе, Л. Переписка / Под ред. Э. Пфайффера. – Франкфурт-на-Майне: С. Фишер Ферлаг, 1966. – 293 с. (на нем. языке)
8. Андреас-Саломе, Л. Моя благодарность Фрейду. Открытое письмо профессору Фрейду по случаю его 75-летия / Л. Андреас-Саломе. – Вена: Международный психоаналитический издательский дом, 1931. – 127 с. (на нем. языке)
9. Андреас-Саломе, Л. В школе у Фрейда: Дневник 1912/13 года / Под ред. М. Клеманна. – 2017. – 246 с. – ISBN 978-3937211503. – (Дневники и письма). (на нем. языке)
10. Фрейд, З. Художник и фантазирование: сборник работ / Пер. с нем. Р.Ф. Додельцева, А.М. Кессель. – М.: Республика, 1995. – С. 350-351.
11. Рильке, Р. М., Андреас-Саломе, Л. Переписка / Р. М. Рильке, Л. Андреас-Саломе. – 643 с. – ISBN 978-3458059868. (на нем. языке)
12. Андреас-Саломе, Л., Фрейд, А. "...словно я вернулась к отцу и сестре": Лу Андреас-Саломе – Анна Фрейд. Переписка 1919–1937 / В 2-х томах. – Гётtingен: Вальштейн Ферлаг, 2001. – 907 с. – ISBN 9783892442134. (на нем. языке)

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензуемая статья является примером «камерного» исследования в полне определённого явления истории культуры, которое, тем не менее, может быть интересно самому широкому кругу читателей. Одна из причин этого – сама личность Лу Андреас-Саломе и не утихающий читательский интерес к главному из рассматриваемых в статье её корреспондентов – Зигмунду Фрейду, другая – простота, ясность и, в то же время, содержательная глубина и верно найденный автором стиль этой небольшой научной

работы, несомненно, заслуживающей публикации в научном журнале. Конечно, даже в очень хорошей статье рецензент должен отметить недоработки и упущения. В данном случае хотелось бы порекомендовать автору расширить список источников, чтобы получить возможность более основательно «вписать» рассматриваемый феномен переписки трёх исключительно оригинальных деятелей культуры своего времени в его исторический и интеллектуальный контекст. Думается, даже «камерная» статья требует указания на связи рассматриваемого предмета с другими духовными веяниями эпохи, а также влияние на более поздние явления истории культуры. Вряд ли дополнительную информацию следует «точечно» вводить в текст, скорее, можно было бы заново написать концептуальное заключение к статье, лаконично определяющее место рассматриваемой в статье переписки в духовной жизни Европы этого исторического периода. Далее, статье присутствует несколько очень тонких замечаний о специфике эпистолярного жанра, их можно расширить, чтобы читатель яснее увидел, какие именно стороны жизни наших корреспондентов открываются в их переписке. В некоторых фрагментах, особенно, в самом начале статьи встречаются выражения, которые читателю, наверняка, захочется «поправить». Например, вместо «интерес к преобладающим философским дискурсам рубежа веков» можно было бы поставить «интерес к философским дискуссиям, которые имели место на рубеже 19–20 веков», а «сегодня мы ассоциируем ее имя...», конечно, необходимо заменить на «её имя ассоциируется сегодня», ведь это не «мы ассоциируем», а так сложилась история культуры, что оно само «ассоциируется». Встречаются и пунктуационные погрешности: «работы о Лу Андреас-Саломе прежде всего повествуют...» (почему нет запятых?); «и в основном были...» (то же самое) и т.п. Кажется, в некоторых случаях имеются опечатки («написаны Саломе, которая, имея всегда отвечала сразу, и...» – «которая, имея время, всегда отвечала...»; «письма Лу Андреас-Саломе и Анны Фрейд является...» – «являются»). Высказанные замечания, однако, не являются препятствием к публикации статьи, поскольку автор в рабочем порядке может расширить список источников, внести дополнительную информацию в текст и более тщательно отредактировать его.